

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»

Не так давно в нашем доме собирались однокурсники моей дочери Ольги, «вспоминали минувшие дни», много смеялись, рассказывали разные истории из своего филфаковского прошлого. Вспоминали и некоторых преподавателей. Большинство из тех профессоров и доцентов, о которых говорили за общим столом, пришли на факультет уже после того, как мой курс его окончил, и я не знаю этих людей лично. Но есть один преподаватель, который начинал работать ещё в наше время – в 50-е – 60-е годы, потом же читал лекции и курсу моей дочери, – Иван Кириллович Кузьмичёв. И вот я решила включиться в разговор и спросила: «А об Иване Кирилловиче вы многое помните?» Наши гости задумались, некоторые сказали, что хорошо запомнили, как он читал лекции о прекрасном, трагическом, героическом – об эстетических категориях. Кое-кто вспомнил, что он строго принимал экзамены. Как он выглядит внешне – это помнят практически все. Но вот о его личных качествах, о его судьбе, как оказалось, студенты 80-х-90-х годов почти ничего не знают. Одна из Ольгиных однокурсниц, осознав это, предложила мне: «Тамара Константиновна, Вы ведь пишете очерки о прошлом, о разных людях, напишите об Иване Кирилловиче, Вы наверняка знаете о нём больше, чем мы». И вот я решила последовать её совету. Тем более, это уже не первый опыт: я когда-то рассказывала своим ученикам об этом человеке. Он ведь фронтовик, а в советской школе было принято проводить «уроки мира» и приглашать тех, кто прошёл войну. Я Ивана Кирилловича не звала на такой классный час, но сама говорила о нём детям. Мне всегда хотелось, чтобы они уважали фронтовиков, чтобы воспринимали историю через судьбу отдельного человека, чтобы не возникало непонимания между поколениями.

Надо сказать, что когда-то я тоже немного знала об Иване Кирилловиче, но судьба сложилась так, что мы впоследствии часто общались, такая чисто человеческая связь между нами никогда не прерывалась, и мне приятно осознавать, что и сейчас она существует. А для моего мужа Стаса Иван Кириллович был и остаётся одним из самых уважаемых учёных, а в нынешние годы стал и другом. Они часто общаются по телефону, причём чаще звонит именно Иван Кириллович: его очень интересуют всё, что происходит и с нами, и с общими знакомыми на факультете.

Наверное, во время моей учёбы в университете Иван Кириллович был не таким, каким знают его мои молодые друзья: годы всегда меняют человека. Но потому и хочется мне передать мои впечатления, воспоминания о нём, что это, как мне кажется, будет интересно студентам и других поколений, а не только моего. Возможно, то, что я напишу, по-новому откроет для них личность преподавателя, вроде бы хорошо знакомого.

И.К. Кузьмичёв рассказывал мне, что он родился в деревне Клюкино Нижегородской губернии, Семёновского уезда. Шли бурные 20-е годы, драматические для всей страны и особенно для крестьянства. Не случайно потом, преподавая историю русской литературы XX века, Иван Кириллович очень любил рассказывать о писателях-«деревенщиках»: их видение крестьянской жизни, да и просто сама тема сельского быта всегда были очень ему близки, ведь он тоже выходец из деревни. Он знает её проблемы, радости и трудности не понаслышке. Семья Кузьмичёвых жила не богато, но в достатке, относилась к так называемым «середнякам». В ней все много работали, ведь семья была небольшой: отец Ивана Кирилловича погиб от несчастного случая на мельнице, дядя был убит на Первой мировой войне, вырастили его дед и мать. Она была простой женщиной, привыкшей к крестьянскому труду, неграмотной. Может быть, именно поэтому ей очень хотелось, чтобы сын получил образование, тем более она видела, как он стремится учиться, как любит читать, чувствовала в нём способности и хотела, чтобы он сумел заняться тем, что ему по душе. С трёх-четырёх лет мальчик был с матерью на любой работе: и в поле, и на дойке коровы, и в доме. Он всему научился очень рано. Но матери хватило жизненной мудрости дать сыну дорогу в другую жизнь.

Окончив семилетку в деревне Шалдежка, Иван Кириллович в Семёнове поступил в педучилище, хотя был довольно большой конкурс. По моим впечатлениям, это стремление к учёбе, к знаниям тогда было очень характерно для выходцев из крестьянской и рабочей среды: они хотели совершенствоваться, подниматься над своим уровнем, не случайно послереволюционные десятилетия дали так много настоящих «самородков» (например, из северной деревни моего

мужа Стаса – Вилегодска – и окружающих деревень тогда вышло 7 академиков, несколько крупных военачальников и флотоводцев – о них был в 70-е годы снят полнометражный документальный фильм под названием «Вилегодские мужики»).

Иван Кириллович хотел быть учителем, потом поступил в Горьковский пединститут, вновь пройдя большой конкурс. Однако все планы пришлось отложить: началась война.

Наш герой оказался в 15-м запасном полку на Урале, где был глубокий тыл, и это давало возможность пройти хоть какую-то подготовку. И.К. Кузьмичёв рассказывал мне, что готовились к боевым действиям очень мало. Он был по своей военной специальности миномётчиком, но до фронта практически не прикасался к миномёту (это было самый большой на тот момент, 120-миллиметровый миномёт), лишь один раз на стрельбищах наблюдал, как из него стреляют. И с такой подготовкой нужно было воевать... Когда мы с Иваном Кирилловичем говорили об этом, меня поразило, что он не возмущался, не упрекал власти в том, что бросали в бой почти необученных мальчишек. Сейчас принято именно в таком ключе смотреть на проблему: многие журналисты, писатели акцентируют внимание на подобных ситуациях, чтобы подчеркнуть наплевательское отношение государства к человеку. Например, В. Астафьев не случайно назвал свой роман «Прокляты и убиты»: в нём выражена та мысль, что солдат гнали на смерть ради равнодушного к ним государства. Так вот, у Ивана Кирилловича, по моим впечатлениям, отношение к этой проблеме совершенно иное. В его словах звучало спокойное и очень мудрое понимание того, что такие обстоятельства – это не злая воля командования или руководства страны, а трагические условия войны, когда не было других возможностей, не было иного выхода, чем идти на жертвы. И это не демагогия, это точка зрения человека, который сам побывал в подобной ситуации, поэтому она так убедительна и достойна уважения.

Многие фронтовики неохотно рассказывают о войне. Вот отец моего мужа Стаса, Иван Иванович Сухих, говорил, что невозможно подобрать слова, чтобы сказать действительно *всю* правду о тех событиях и никогда не читал книг о войне, не смотрел военных фильмов. И.К. Кузьмичёв рассказывал немного, но в его воспоминаниях были такие яркие факты, которые мне хочется передать. Об учебном полку на Урале он говорил, что там солдаты голодали и замерзали. Такую обстановку описывает в своем романе «Прокляты и убиты» В. Астафьев, и в изображении бытовых условий он практически не погрешил против истины. Но в то же время Иван Кириллович сказал как-то Стасу, что психологическая атмосфера была совсем иной: не было того постоянного воровства, о котором писал автор романа, не было ни равнодушия, ни ненависти командиров к рядовым; и голодали, и замерзали, и старались выжить – вместе. Вообще, И.К. Кузьмичёв не раз упоминал о том, что ему очень везло на хороших командиров, хотя однажды с ним произошёл очень драматичный случай. Командир поручил ему передать приказ, и он всё сделал, но офицер, которому этот приказ передавался, почему-то забыл о нём. И тогда командир решил, что это солдат не выполнил поручение. Он достал пистолет и направил его на Ивана Кирилловича. Трудно сказать, собирался ли он действительно стрелять, но по военным временам вполне могло так случиться. Однако тут вмешался тот офицер, которому приказ передавался: он оказался порядочным человеком, признал свою оплошность и этим спас Ивана Кирилловича.

Война выявляла в людях и чувство ответственности, и смелость. Обычный сержант мог взять на себя обязанности погибшего командира и повести за собой людей, сориентироваться в обстановке боя, что иногда бывало крайне трудно. Они были не просто исполнители чужой воли – в этом я уверена.

Иван Кириллович однажды рассказал мне об одном эпизоде военной жизни, который он назвал самым страшным для себя. Это был бой, который закончился для его батареи полным разгромом: немцы застали её врасплох. И.К. Кузьмичёв в тот момент как раз спал после ночного дежурства, причём лежал в неглубоком окопе так, что ноги торчали вверх, а проснувшись посреди боя, как будто замер, и было похоже, что это убитый солдат, упавший в окоп. Поэтому немцы, видимо, и не подошли к нему.

Потом он встал из своего укрытия и, к ужасу своему, заметил, что он остался один. Иван Кириллович сказал, что он был настолько поражён и подавлен, не мог понять, где все остальные: может быть, погибли? И настолько это было страшно, что ему самому хотелось умереть. Слушая рассказ об этом, я невольно задавала себе вопрос: чего же именно боялся мой собеседник? Может быть, того, что его всё-таки заметят немцы, а может, того, что свои не поймут:

«Как же так, все погибли, а тебе одному удалось выжить?» Но задать свой вопрос я не решилась. И тут Иван Кириллович сам заговорил об этом, и оказалось, что я ошибалась в своих предположениях: природа страха была другой. Он сказал, что его пугало тоскливое и безысходное одиночество, и тогда я поняла, что это действительно страшнее того, о чём подумала я.

А кроме того, страшно было и другое: кругом развороченное снарядами поле боя, ни одного человека, и совершенно непонятно, в какой стороне свои, а в какой – враги и куда идти... В блиндажах Иван Кириллович нашёл ещё двоих солдат, нужно было выходить к своим, но один из них был как раз уроженцем этих мест и ушёл домой – дезертировал. А Иван Кириллович вместе с другим солдатом решили искать своих. Они спустились в ложбину и увидели миномёты, которые были оставлены на произвол судьбы. Видимо, именно в этот овражек спустилась вся батарея в начале боя, чтобы стрелять из укрытия, а он, спавший, остался в окопчике. «Отряд не заметил потери бойца...» Трагическая ситуация войны, когда во внезапно начавшемся бою уже не до отдельных судеб, когда случайность может погубить человека, а может, наоборот, спасти... У меня сердце сжалось, когда я подумала, что это могло закончиться трагически для моего собеседника.

Что случилось потом с батареей – этого Иван Кириллович так и не узнал. Возможно, его однополчане погибли, возможно, отступили, а может, были взяты в плен.

И.К. Кузьмичёв свинтил с миномётов прицелы, без которых эти орудия бесполезны, и они вдвоём со вторым солдатом двинулись в путь.

Решая для себя, как описать эту ситуацию, я вспоминала типичные эпизоды из военной литературы, и мне казалось, что здесь мой герой и его спутники должны были выглядеть растерянными, с застывшим выражением ужаса в глазах... Но я вновь ошиблась. Всё-таки насколько отличается моё восприятие событий – взгляд человека, много прочитавшего о войне, – и восприятие того, кто сам прошёл эту войну, пережил её! Иван Кириллович, продолжая вспоминать, говорил, что они испытывали уже не страх, а невероятную усталость, даже не столько физическую, сколько эмоциональную: слишком много на них свалилось, слишком сильны были переживания, для страха уже не оставалось сил.

Вдвоём они, совершенно обессиленные, вышли всё-таки к своим, присоединились к другой батарее – 75-миллиметровых пушек. С большим трудом подразделение выходило из окружения, приходилось скрываться и от немцев, и от наших бомбардировщиков – «ночных ведьм», которые бомбили фашистов, а перед тем бросали осветительные бомбы, в такой обстановке они могли демаскировать не только немцев, но и своих. Однажды немецкая колонна прошла буквально в нескольких метрах от наших бойцов, среди которых был и герой моего очерка. Они сумели спрятаться в поле кукурузы, и их не заметили.

Когда они вышли из окружения, командир сказал, что солдаты могут отправиться в медсанбат, чтобы прийти в себя и хоть немного поправить здоровье, но могут и снова вернуться на передовую, если готовы к этому и этого хотят. Некоторые предпочли первое, а Иван Кириллович решил вернуться на фронт.

Когда я задумываюсь о воспоминаниях фронтовиков, которые я слышала и читала, то мне приходит в голову, что война – это тоже жизнь, только в других условиях. Она меняет психологию, переворачивает нормы поведения: если в обычной жизни убить человека – это страшный грех, преступление, бесчеловечность, то во время войны убийство врага – это необходимость, а преступлением будет уже невыполнение такого долга. Человек неизбежно становится другим. Но даже война не меняет *существа* его характера: кто в мирной жизни был порядочным человеком, тот и в военной обстановке сохранит в душе нравственный закон, как это произошло с героем замечательного шолоховского рассказа, из которого я позаимствовала название.

Иван Кириллович по военным дорогам прошёл от Сталинграда до Праги. Уже после победы сказалась усталость от войны, очень хотелось поскорее вернуться к нормальной жизни, к учёбе, к любимой филологии. Побыстрее демобилизоваться Ивану Кирилловичу помог его преподаватель И. Ермаков: выписал справку о том, что он был призван в армию со второго курса пединститута (на самом деле – с первого) и теперь может продолжить учёбу. Тогда как раз вышел приказ о демобилизации тех, кто успел уже год проучиться в вузе. И. Ермаков потом говорил, что ошибся, записав Ивана Кирилловича во второкурсники. Но сам Иван Кириллович считает, что И. Ермаков просто хотел помочь ему поскорее демобилизоваться, тем более что дру-

гой преподаватель спорил с ним, утверждал, что Кузьмичёв был на момент призыва первокурсником. Иван Кириллович некоторое время колебался: воспользоваться ли этой справкой? Но потом решил, что такова судьба, и демобилизовался.

Окончив вуз, И.К. Кузьмичёв учился в аспирантуре там же, в пединституте, работал 2 года в Институте иностранных языков, но потом в этом вузе перестали преподавать русскую литературу, пришлось увольняться. Однако как раз появилась вакансия в университете, и тогдашний декан филфака Г.В. Краснов пригласил Ивана Кирилловича.

Одна из наших знакомых преподавательниц рассказывала мне такой эпизод. Она тогда поступила на наш факультет в аспирантуру, а Иван Кириллович уже преподавал, но он выглядел совсем юным, и она приняла его тоже за аспиранта или даже студента. Аспирантка присела на подоконник рядом с ним, и между ними завязался разговор о преподавателях, и девушка (а она окончила один из центральных, известнейших вузов) некоторых доцентов и даже профессоров оценила, мягко говоря, не слишком высоко. Иван Кириллович слушал её, лукаво улыбаясь, а потом спросил: «А вот есть тут ещё такой преподаватель – Кузьмичёв, что Вы о нем скажете?». Собеседница задумалась и сказала: «Вот этого я ещё не имела счастья узнать, не слышала ни одной его лекции». А он так же лукаво ответил: «Ну, ничего, может быть, ещё услышите, покрикуете».

Я впервые увидела Ивана Кирилловича на вступительных экзаменах, на апелляции. Об этом я уже писала в очерке «Мой университет». И.К. Кузьмичёв тогда поддержал мою точку зрения, а не Г.В. Москвичёвой, которая объясняла мне, что Базаров был революционером. Я спорила, была уверена в себе, и, наверное, Ивана Кирилловича подкупила даже не сама моя точка зрения, а то, как я не испугалась противостоять целой комиссии и упорно доказывала свою правоту. Он сказал: «Коллеги, нужно, несомненно, ставить «5», посмотрите, как девочка рассуждает, аргументирует свое мнение!». До сих пор я ему очень благодарна за то, что он признал меня как личность, имеющую свой взгляд. Потом, когда мы с ним встретились в коридоре, он спросил: «Как же Вы так хорошо подготовились, знаете всю критику, все споры о тургеневском романе?» Я рассказала, что мы с подружкой Лялей готовились к экзаменам на крыше нашей пятиэтажки, брали с собой одеяло и, лежа на нём, занимались с 9 до 3 часов дня. Иван Кириллович развеселился и со своей характерной чуть лукавой улыбкой сказал: «Ну, если на крыше, то тем более пятёрку заслужили! Первый раз слышу о такой методике!».

Иван Кириллович читал нам лекции о советской литературе на 4 курсе, а на 5-м – о теории литературы, причём его больше всего привлекали эстетические категории: прекрасное, трагическое, комическое, героическое... Мы запомнили своего преподавателя как очень порядочного человека, который никогда не позволял себе посмеяться над студентом, пусть даже плохо знающим предмет. Для лекций И.К. Кузьмичёва была характерна методика сопоставлений: он любил сталкивать разные точки зрения критики на проблему, разные мнения писателей по тому или иному вопросу. В этом есть большое мастерство, что я осознала уже позже, будучи учителем. Объективно представить разные взгляды и в то же время выразить своё мнение – это ведь так важно и так сложно. Иван Кириллович всегда очень много читал и постоянно совершенствовался, учился. Мы, занимаясь в библиотеке, часто видели его за соседним столом, с горой книг. Преподавание современной литературы предполагает знание ещё не устоявшегося, постоянно меняющегося материала, нужно быть знакомым с периодикой, с критикой. Иван Кириллович и нам советовал почитать тот или иной журнал, какое-нибудь недавно опубликованное произведение. И ещё мне помнится, что Иван Кириллович очень просто говорил. Он не упрощал проблемы – нет, но умел о сложном сказать так, чтобы всем было понятно. Есть преподаватели, которые на лекциях самовыражаются, и им безразлично, возникает ли обратная связь, а для И.К. Кузьмичёва это было важно. Он вообще всегда стремился включить студентов в спор, в обсуждение вопроса. Вспоминаю, как он присаживался на первый стол лицом к аудитории и с хитровой улыбкой говорил: «Ну-ка, а что Вы думаете по этому в высшей степени замечательному поведению?». Мы тогда не задумывались о методических приёмах, а вот теперь я вижу все преподавательские «ходы» с точки зрения самого преподавателя. Интересно, что вопрос Иван Кириллович ставил так, что нужно было и вспомнить материал лекции, и в то же время мыслить самому. В такой работе преподавателя – тоже большой талант, ведь правильная постановка вопроса – это во многом уже залог верного ответа.

Самостоятельность мысли – это одно из определяющих качеств настоящего учёного. И.К. Кузьмичёв не случайно старался формировать эту способность у студентов, не случайно оценил моё упорство на апелляции: он сам придавал большое значение тому, чтобы уметь отстаивать собственную точку зрения. Меня в своё время очень заинтересовала история полемики Ивана Кирилловича со знаменитым в те годы писателем Константином Симоновым. Молодой преподаватель из Горького – и литератор с именем, с опытом, с большим авторитетом, для критики почти «неприкасаемый»... Иван Кириллович написал статью «Заметки о современном военном романе» – о том, что в трилогии К. Симонова «Живые и мёртвые» существуют художественные недостатки и нет настоящей правды в изображении войны. У некоторых позиция никому не известного провинциала вызвала возмущение, была часть литературной общественности, которая восприняла это как проекцию басни «Слон и Моська», о чём и написали в газетах, вплоть до «Литературной газеты» и «Правды», а это по тем временам (это был 1965 г.) было нешуточно. Но, как бы ни был знаменит К. Симонов, прав оказался наш преподаватель. Правда, автор трилогии «Живые и мёртвые» в годы Великой Отечественной действительно многое видел своими глазами: был военным корреспондентом. Но, в отличие от него, Иван Кириллович сам воевал и осмысливал военные реалии с точки зрения «окопной правды». Ведь одно дело видеть, например, атаку – и другое дело самому подниматься из окопа и идти навстречу опасности.

Статья в «Правде», направленная против И.К. Кузьмичёва, на первый взгляд должна была стать большой неприятностью для него, но получилось иначе: благодаря этой статье о его позиции узнали в литературном и научном мире, и у него появилось много сторонников – это потом даже помогло ему при защите докторской диссертации.

Когда я спрашивала разных людей, о том, какие у них воспоминания об Иване Кирилловиче как об учёном и человеке, то одна из молодых преподавательниц рассказала, что он сыграл большую роль не только в её образовании, но и в судьбе. Сначала она в разговоре со мной вспомнила, как читала доклад и именно И.К. Кузьмичёв первым увидел в её работе настоящую научную новизну. Он с сожалением говорил лишь о том, что она специализируется не на его кафедре. И она запомнила это его чувство настоящего уважения к способностям студента.

Действительно, и в наши времена ему никогда не было жаль времени на то, чтобы выслушивать доклады и рефераты, хотя не все из них, конечно, оказывались интересными. Когда я сделала дипломную работу о творчестве Веры Пановой, то Иван Кириллович увидел самую суть моей концепции, заметил, что я проанализировала такие черты художественной манеры писательницы, которых до меня никто не исследовал, и это он, мой научный руководитель, оценил наиболее высоко, даже сказал, что хорошо бы работу напечатать. В наши времена публикация научной работы была делом непростым, а студенческие работы практически не печатались, поэтому для меня слова моего преподавателя были очень высокой оценкой. И.К. Кузьмичёв всегда говорил нам, что дипломная работа должна стать маленьким открытием. Он всегда умел слушать другого, уважать его мнение, но одновременно он и требовал, чтобы студент доказывал свою точку зрения.

Вернусь к разговору с моей знакомой: моя собеседница затем рассказала и о том, что Иван Кириллович (уже в то время, когда она работала и писала кандидатскую диссертацию) помог ей получить комнату в университетском общежитии, чтобы не ездить на занятия издали на электричке. Он никогда не был равнодушным к чужим проблемам и сейчас тоже всегда интересуется жизнью факультета, кафедры.

У нас с моим мужем Стасом много старых фотографий, ещё со времён нашей учёбы в университете. И, просматривая эти снимки, я вижу: Иван Кириллович с нами на первомайской демонстрации, Иван Кириллович с нами в аудитории, Иван Кириллович с нами на конференции... Это один из тех преподавателей, которые постоянно были рядом со студентами, формировали их мировоззрение. И не случайно с именами таких учёных, как И.К. Кузьмичёв, для нас связывается память об университете.

2012 г.